

Иван Бортник:

Веч. Москва. 1999. 19 апр. - с. 7

Я отказался от роли, Солженицын — от ордена

60 лет — много это или мало? Кто-то «отмечает» юбилей уходом на пенсию, а у кого-то на седьмом десятке только открывается второе дыхание и судьба делает вираж на сто восемьдесят градусов. У актеров смена биологических ритмов менее заметна: сколько бы им ни исполнилось, возраст будет определяться не паспортными данными, а возрастом их киногероев, по крайней мере в представлении зрителей. Любимым народом Вовчику из «Родни» и Прокошашке из «Места встречи изменить нельзя» — и 60? Самой не верилось, пока не удалось лично поздравить замечательного актера Театра на Таганке Ивана Сергеевича Бортника.



Екатерина СТЕПАНОВА

Ирина КОРНЕЕВА

— Как отмечать юбилей будете?

— Да никак. Придут, конечно, сестра, родные, — кто придет, тот и придет. А я в день рождения даже выпить себе позволить не могу — потом придется играть два спектакля: утром и вечером. Хотел просить Юрия Петровича Любимова замену сделать, нельзя же до мая дело откладывать. Дорого яйцо к христову дню.

— А в театре торжества намечаются по вашему поводу?

— Предлагали. Я отказался: не люблю этого ужасно, зажимаюсь, мне как-то неловко выслушивать слова, потом что-то отвечать... Нет, не хочу. «Никогда коммунары не станут рабами».

— Когда на улице, узнавая вас, каждая пьяная рожа от переизбытка чувств лезет целоваться, как реагируете?

— Завожусь. Как еще можно реагировать на беспардонность?

— Не разгормировываясь после спектакля, быстро-быстро через служебный вход с надвинутой на глаза шапкой...

— А я работаю в театре, в котором не гримируются вообще: так ближе к натуре. Может, девочки и кладут себе тончик... Это если купца надо из Островского играть, тогда, конечно, и борода соответствующая должна быть, и прическа под горшок. Но на Таганке другой репертуар.

— Давайте перейдем к вопросам неюбилейным. Актеры театра Любимова ходят в театр Губенко и наоборот?

— Может, кто-то и попадал на премьеры. Но у нас, по-видимому, такая же ситуация, как во МХАТе после развода. Я не видел ни «Чайку» у Губенко — ничего. Но только из-за своей лениности. Надо сходить, да все никак не получается. Никаких принципиальных соображений у меня нет, я прекрасно отношусь к Николаю, что бы ни произошло.

— Вы были пассивным созерцателем нашумевшего «таганского» конфликта?

— Я подписывал какие-то письма, участвовал в какой-то степени, но понимал тщетность собственных усилий. Винить никого не могу, сказать, что вот конкретно не прав Любимов или Губенко, тоже. Черт его знает... И тот делал ошибки, когда началось обострение, и другой вел себя не самым мудрым образом. Ну случилось, что же теперь поделаешь. Не мы первые, не мы последние. Вообще странно, что театр живет 35 лет. У театра ведь в принципе, как у всякого живого творческого организма, собачий возраст — десять лет.

— Прошло почти двадцать лет после смерти Высоцкого, а вы не написали о нем ни строчки воспоминаний. Вы ведь были друзьями.

— Я письма Володины издал недавно. А насчет воспоминаний — Наташа Крымова как-то спросила меня, но это было настоящей мукой. Во-первых, потому что все равно тяжело, сколько бы лет ни прошло, а потом, когда остаешься один на один с чистым листом бумаги, не знаешь, с чего начать, о чем писать... Не набита рука. Вот у Валеры Золотухина лучше получается, он всю жизнь пишет дневники — это же каждодневное упражнение, тренировка. И даже издает их при жизни, что несколько странно.

— Из-за Высоцкого, я знаю, вы от роли принца Датского отказывались...

— Я в «Гамлете» играл Лаэрта. Однажды Любимов меня вызывает: «Я не могу зависеть от вашего друга Высоцкого, который постоянно ездит то во Францию, то еще куда-то. Хочет — уезжает, хочет — приезжает. Я прошу вас (тут он перешел на вы, значит, начиналась официальная часть разговора) играть Гамлета. У вас одинаковое качество темперамента, и мне не нужно будет перестраивать спектакль». Разумеется, я про разговор с Любимовым рассказал Володьке. Он в ответ: «Ну играй». И совершенно серьезно. Правда, несколько другими словами.

— Можно дословно?
— «А х..и, играй». Потом Любимов

меня встретил: зачем ты передал Высоцкому? Я даже опешил: а как вы думали, он останется в неведении, а я буду где-то тайно репетировать его роль? Провокационная была ситуация. Но надо знать Юрия Петровича. Чтобы уговорить меня, он подключил писателей — Абрамова, Можая, свою жену Людмилу Васильевну Целиковскую. Она смеялась мефистофельским смехом: «Ха-ха! Юра, он не хочет играть Гамлета!». Я отказывался: как вы себе представляете, вот сидят Бортник у стены с гитарой? Почему Бортник, когда он на ней играть не умеет — единственный из всего Театра на Таганке... С таким же успехом меня можно посадить на сцену с баяном или гусями — ну и что дальше? Зрители видят: ну сидит Бортник, и что? Длится увещевание долго — около двух лет. Высоцкий приезжал, играл Гамлета, опять уезжал. Слава Богу, когда Золотухин согласился, от меня отстали.

— А в некритических ситуациях вы с Юрием Петровичем на вы или на ты?

— Он со мной — на ты, я с ним, разумеется, — на вы. Каким макаром я с ним могу быть на ты, когда он мой, скажем так, учитель и родился в 17-м году, а мне только 60. Но я знаю его лет сорок, работал с Юрием Петровичем и до Таганки. Когда режиссер говорит вы, это плохо. Уж лучше на ты... Но последнее время он все чаще со мной на вы, после того, как я отказался от «Шарашки» и «Марата».

— И Эфросу в свое время вы в нескольких спектаклях отказали... Известно, что вы очень требовательно относитесь к материалу.

— В этом плане я притча во языцех. У Эфросы отказался от пьесы Розовского «Концерт Высоцкого в НИИ» и от «Общества кактусов» Дворецкого. После «На дне» Горького в его же постановке такое играть... Что это за драматургия после классической пьесы из мирового репертуара? Хотя он меня вызывал домой, мы сидели у него на кухне втроем с Наташей Крымской, и он пытался убедить: «Ваня, поверь мне, я сде-

лаю спектакль». Я верил, приходил на репетицию, начинал репетировать и мне становилось плохо. Физически плохо от текста, до такой степени он мне не нравился. То же самое произошло и на «Шарашке» Любимова. Из 800 страниц бессюжетной книги Солженицына «В круге первом» сделали инсценировку на 50 машинописных страницах. Там вообще ничего не осталось — одни вырванные из контекста фразы, на которых какой-то образ построить нереально. После трех месяцев споров с Любимовым я ушел. И сразу же после меня Солженицын отказался от ордена. Я — от роли, а он — от ордена.

— Как вы с ним в унисон!

— Н-да, но это уже плагиат был с его стороны... (Дальше продолжает серьезно. — И.К.) К сожалению, и в кино сейчас многие картины встали, и на Таганке я мало играю. Может, по своей вине. В театре меня в этом плане не понимают; они могут плевать после репетиций, а я не могу за кулисами говорить «Тьфу, гадость невозможная», а потом выходить на сцену и играть. Это просто нечестно по отношению к себе и к профессии.

— А как получилось, что из Театра Гоголя вы в 67-м году перешли к Любимову?

— У нас никак не сложились отношения с Голубовским. Я пришел к Любимову. Юрий Петрович меня принял, и после того разговора я год на Таганке не появлялся. По лености опять же, продолжал сидеть в Театре Гоголя. Но там все приобратило такой размах, что я приходил в театр и не здоровался с режиссером. Однажды я рассказал Этушу, он меня не понял: «Я не могу себе представить, как это я, положим, не здороваясь с Рубеном Николаевичем Симоновым?». И я решился, пришел снова спустя год к Юрию Петровичу. Он был несколько обижен — мол, мы когда с тобой говорили, а теперь уж давай показывайся...

Я посмотрел «Антимиры», пришел в ужас — мелодекламация под гитару. Что за театр, куда я попал? А потом увидел «10 дней», и они меня

действительно потрясли. Это было что-то принципиально новое.

— Коллектив как вас принял?

— А там же еще мои однокурсники работали. Я шел к своим.

— С Высоцким быстро нашли общий язык?

— Какое-то время присматривались, притирались. Нам уже за тридцать было, это только школьники быстро друзьями становятся.

— У него было свое определенное дружбы. Цитирую: «Друг — это тот, кому я могу рассказать все самое отвратительное, гнусное и гадкое о себе». Вы согласны?

— Абсолютно согласен. Я знал о нем все, как и он обо мне. Мы ежедневно общались. Как правило, за разговорами и рассвет встречали. Под утро вместе ехали на репетицию... Хорошая жизнь была. Я говорю в прошедшем времени. Как там по Блоку: все миновало, молодость прошла. Последние годы как-то очень быстро летят. К сожалению. Раньше думалось: как же тянется время, когда там будет сорок? Потом боялся цифры 50. Сейчас уже 60 стукнуло...

— К заключению о том, что пьяного нужно играть только трезвым, вы пришли на собственном опыте или теоретически?

— И опыт был... Абсолютно трезвым играть надо, какие бы сцены ни снимались. Если бы в той же «Родне» я выпил пятьдесят граммов — все, совершенно другой персонаж бы был. Да и любую из ролей взять: ни грамма нельзя принять, если серьезно относишься. Сатина я играл (одна из моих удачных работ у Эфросы) — там с утра до вечера ночлежка пьяная, просыпаются с мыслью: где похмельится. Загул, карты... Представьте себе, что я бы выпил, а дальше у меня идет монолог о человеке... Дело даже не в том, что язык заплетался бы, я б не знал, как его произнести.

— О несыгранной роли Шарашки в «Месте встречи» вспоминаете?

— Володя очень хотел, чтобы мы вместе играли. Был бы, наверное, другой фильм. Но актеров утверждала Украина. Высоцкого со скрипом разрешили, а если бы и второго актера из Театра на Таганке взяли, это была бы крамола... Конкин был назначен в приказном порядке. Говорю-хин мне говорил: «Вань, сыграй Прокошашку, я тебя прошу».

— Славы вам хватало?

— Хватало.

— Денег?

— Никогда у меня их не было.

— Любви?

— Любил я. Меня любили. Но любви никогда не хватало.

— Спокойствия?

— Вот чего не было, того не было.

В моей профессии нельзя себя щадить.

...Перед самым уходом замечая фотоаппарат: Губенко, Бортник и Любимов. Любимов — в белом костюме, бабочке.

— А это в Испании мы были на гастролях, Коля Губенко, как в мейерхольдовском «Ревизоре», собрал ночью пять человек в номере и сообщил, что завтра может к нам приехать Любимов. Я всю ночь не спал. Утром видим внизу машину — Коля с Жанной (Болотовой. — И.К.) встречали Любимова в аэропорту. Выходит Катя, его супруга, он сам, подходит к одному, второму, а трупца еще ничего не знает, они потом все собрались. Увидел меня, и — дрогнувшим голосом: «Ванька, седой...». И я вижу, как из-под его темных очков по щеке у него катится предательская... Все, у меня истерика. Я бросился в ванную, там отсиделся, в себя пришел... Такие дела.